

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии протоирей Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) // Богословский вестник 1896. Т. 4. № 12. С. 390–405 (3-я пагин.). (Окончание.)

Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Опытъ біографическаго очерка).

(Окончаніе)¹⁾.

Академія всегда стояла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Митрополитовъ: сначала, въ продолженіи почти полсотни лѣтъ, — Филарета, потомъ, въ теченіи восьми лѣтъ при жизни А. В-ча—Иннокентія. Служа ректоромъ Академіи, А. В-чъ служилъ, собственно говоря, митрополитамъ; и служеніе это было безкорыстнымъ и честнымъ, потому что вытекало изъ такихъ же убѣжденій и взглядовъ его на предержавшую власть. Припомнимъ, что отвѣчалъ онъ В. М. Ундольскому, когда тотъ, явившись къ нему, просилъ отдѣлать ему съ Погодинымъ для описанія часть синодальныхъ рукописей: „это дѣло не наше. Порученіемъ, сдѣланнымъ отъ начальства мы не можемъ располагать по своему. Можемъ все передать другому, если будетъ приказано, и не имѣемъ права ничего сами по себѣ передавать“. Какая преданность волѣ начальства! Совсѣмъ по апостольски: „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ и „всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется“. (Римл. 13, 1.). власть—учрежденіе Божественное, постоянное, твердое и устойчивое, которое покрываетъ собою все; все отъ нея, а она одна отъ Бога. Все остальное, простые смертные—ея покорнѣйшіе слуги: что она имъ прикажетъ, то и дѣлаютъ, какъ повернуть ихъ судьбу, такъ имъ и быть. Такъ глу-

---

¹⁾ См. Б. В. Ноябрь.

боко вѣровалъ А. В-чь, такъ безотвѣтно и служилъ. Судить начальство, власть, указывать ему, входить въ пререканія съ нимъ, не было въ его обычай, и онъ этого не любилъ. Въ 1857 г. К. И. Невоструевъ, встревоженный тѣмъ, что митр. Филаретъ долго не опредѣляетъ ни на какое мѣсто выслужившаго у нихъ одного писца—семинариста, жаловался въ письмѣ на это А. В-чу и говорилъ, какъ бываетъ иногда несправедлива епархіальная власть и просилъ его еще разъ напомнить митрополиту о писцѣ А. В—чь отвѣтилъ ему: „не считаю себя вправѣ повѣрять и обличать дѣйствія моего начальства. Не до того мнѣ, чтобы наблюдать его правду; хотя бы мои то дѣла не уклонялись отъ правды“¹⁾. Оттого онъ всегда и былъ въ мирѣ съ начальствомъ—митрополитами, и они были съ нимъ мирны. Съ м. Филаретомъ, кромѣ того, у него были еще и личныя отношенія, которыя упрочивали ихъ миръ. Филаретъ приблизилъ А. В—ча къ себѣ²⁾, а тотъ платилъ ему за это: любилъ, уважалъ, благоговѣлъ предъ нимъ. „Святитель нашъ“, „милостивый Святитель“, „владыка“—только было у него и названій ему³⁾. Каждое слово его внимательно выслушивалось имъ, всякій разговоръ исправно записывался⁴⁾. Когда умеръ Филаретъ, А. В—чь сильно сожалѣлъ о томъ. Въ первое время онъ никакъ не могъ забыть о немъ, вспоминалъ и думалъ о немъ денно и ношно. Съ 6-го на 7-е декабря онъ видѣлъ его во снѣ. Записывая для памяти себѣ этотъ сонъ, А. В—чь такъ объяснилъ его: „съ вечера, предъ сномъ на молитвѣ вспомнивъ о немъ (Филаретѣ), я почувствовалъ сильное желаніе увидѣть его во снѣ, и думалъ про себя, почему бы я не могъ его видѣть въ настоящемъ его положеніи⁵⁾. Филаретъ былъ строгій, суровый человекъ; надо было умѣть, чтобы обра-

1) Письмо къ К. И. Невоструеву отъ 15 мар. 1857 г., въ арх. Горскаго.

2) Чит. его дневникъ.

3) См. дневникъ 1848 г. февр. 18, 1849 г. окт. 23 и мн. др. въ немъ мѣста; также письма А. В—ча къ Невоструеву отъ мая 1859, отъ 20 мая 1860 и др.

4) См. дневникъ А. В—ча.

5) Небольшой клочекъ бумаги, съ котораго мы списали это, хран. въ арх. Горскаго.

щаться съ нимъ. Многіе, изучивъ его, дѣйствительно, и умѣли. На первомъ или второмъ году службы въ Академіи, когда А. В—чу пришлось предъ экзаменомъ составлять для митрополита конспектъ по своему предмету, ректоръ Филаретъ (Гумилевскій) училъ его: „мнѣ кажется, что если Вашъ опытъ на бѣду составленъ будетъ вовсе не по его мыслямъ: то Вы тѣмъ вызовете его на бой открытый и безъ нужды расстрогаете его вспыльчивый характеръ. Надобно напередъ узнать его мысли. Тогда, если эти мысли не совсѣмъ будутъ вѣрны: можно сначала слегка сказать о ихъ невѣрности; или лучше не говоря прямо о ихъ невѣрности выставить спой планъ, и тогда когда онъ, замѣтивъ несходство его съ своимъ, будетъ настаивать на преимущества своего; то можно слегка и сказать кое-что въ свою защиту. Но замѣйте, надобно говорить только слегка. Не надобно сильно настаивать. Это сочтутъ за упорство и сочтутъ быть можетъ справедливо. Тогда (чего сохрани Богъ) и хорошее не назовутъ хорошимъ. Зачѣмъ же предъ нимъ и настаивать на свое? Я и послѣ могу сдѣлать тоже, что теперь защищаю слегка,—когда т. е. мысль моя свята. И меня никто не укоритъ за то. Я поступаю по убѣжденію совѣсти. А давать волю своемыслию не дознавши его основательности—нехорошо ¹⁾. И училъ, оказывается, не напрасно: въ сношеніяхъ съ Филаретомъ А. В—чу приходилось часто и къ такимъ приемамъ прибѣгать, особенно когда требовалось его отъ чего-либо, „отклонить“ или направить на что ²⁾. Въ другихъ случаяхъ онъ ограничивался по большей части одними краткими вопросами и отвѣтами ему.—Иннокентій, наоборотъ, былъ слишкомъ мягокъ, къ тому же не имѣлъ высшаго образованія и вступилъ на Московскую кафедру съ силами уже значительно ослабѣвшими подъ вліяніемъ преклоннаго возраста и многотрудныхъ подвиговъ прежней миссіонерской дѣятельности. Всѣ академическія дѣла рѣшались имъ такъ, какъ указывалъ А. В—чъ (припомнимъ, наприм., дѣла объ устроеніи академ. церкви, о кладбищѣ при ней), на него онъ полагался во

1) Письмо Филарета (безъ даты)—въ арх. Горскаго.

2) См. письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 30 мая 1860., и къ В. Д. Кудрявцеву отъ 15 апр. 1861 г.,—въ арх. Горскаго.

всемъ: гдѣ А. В—чь, тамъ, значитъ, онъ самъ (въ Академіи-ли или на сторонѣ — въ Учебномъ Комитетѣ ¹⁾). Съ полнымъ уваженіемъ къ нему относился А. В—чь, но уже не съ прежнею, какъ при Филаретѣ вѣрой, смотрѣлъ на его начинанія и выслушивалъ его слова. Тонкій критицизмъ у него невольно пробивался и здѣсь, хотя А. В—чь самъ никогда не обнаруживалъ его митрополиту въ глаза. Въ 1871 году Иннокентій прислалъ А. В—чу свой проэктъ на счетъ соединенія православныхъ съ раскольниками и просилъ исправить его и, гдѣ нужно, дополнить. А. В—чь, работая надъ нимъ у себя дома, не оставилъ въ немъ ни одной частности безъ замѣчанія ²⁾. Въ отвѣтъ митрополиту, тонко и незамѣтно направляя его на болѣе цѣлесообразный путь, въ общемъ онъ всетаки одобрилъ его мысль. Какъ видно, случаи критическаго отношенія къ планамъ Иннокентія у А. В—ча бывали, но только тогда, когда направлялся онъ самъ.—Въ 1872 году А. В—чь справлялъ сорокалѣтіе своей служебной дѣятельности. Въ тепломъ и задушевномъ письмѣ м. Иннокентій по достоинству оцѣнилъ его заслуги ³⁾.

Послѣ Академіи все вниманіе и вся любовь А. В—ча были сосредоточены исключительно на его родныхъ. Одинъ изъ профессоровъ, родственникъ А. В—ча, въ надгробной рѣчи предъ его отпѣваніемъ говорилъ: „при этомъ гробѣ нѣтъ дѣтей, но не мало сиротъ и сродниковъ, для которыхъ покойный былъ всегда самымъ заботливымъ и нѣжнымъ отцомъ. Какъ орелъ собираетъ птенцовъ подъ крылья свои, такъ и онъ всегда окруженъ былъ дорогими для него сиротами, заставляя ихъ забывать горе и нужды подъ надежнымъ покровомъ своей нѣжной горячей любви“ ⁴⁾. И дѣйствительно, кто изъ нихъ не пользовался его помощью, совѣтомъ и заступленіемъ? За одного, бывшего смотрителя духовнаго училища, которому грозила опасность быть уволеннымъ отъ службы, онъ ходатайствуетъ въ академическомъ Правленіи ⁵⁾; другому, занимавшему экономящую въ

¹⁾ См. дневникъ А. В—ча 1869 г. февр. 5—25. Приб. XXXV, 254—263.

²⁾ См. черновые матеріалы по этому вопросу въ арх. Горскаго.

³⁾ Письмо Иннокентія отъ 29 авг. 1872 г., въ арх. Горскаго.

⁴⁾ В. А. Соколовъ. Прав. Обзор. 1875, III. Прилож. 23 стр.

⁵⁾ См. черновое письмо къ нему А. В—ча (безъ даты) въ арх. Горскаго.

семинаріи должность, совѣтуеъ оставить ее, въ виду не-пріятностей, которыя можно нажать на ней ¹⁾; за сына третьяго, окончившаго семинарскій курсъ и намѣревающагося поступить на гражданскую службу, просить въ Семинаріи и выхлопатываетъ ему званіе студента ²⁾. Больной теткѣ (Аннѣ Косминичнѣ, проживающей въ собственномъ домѣ въ Костромѣ) посылаетъ сначала 35 р., потомъ, чрезъ мѣсяцъ 50 руб. ³⁾: дядѣ, выдававшему свою дочь, помогаетъ въ покупкѣ нѣкоторыхъ вещей приданого, пересылаетъ ихъ и дѣлаетъ ей къ свадьбѣ подарокъ ⁴⁾. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Москвѣ учились племянники А. В—ча: одинъ—въ университетѣ (Алекс. Павл. Птицынъ), другіе два—въ военномъ училищѣ (Владиміръ и Василій Губастовы); А. В—чъ присылалъ имъ денегъ, а маленькимъ, кромѣ того, гостинцевъ ⁵⁾; а въ 73 году на свои средства нанималъ въ Москвѣ квартиру, столъ и репетитора для своего внука ⁶⁾. Дѣтей А. В—чъ особенно любилъ; покупалъ для нихъ игрушки, книги, ноты ⁷⁾; бывало въ молодости, что онъ и самъ забавлялся съ ними какъ маленькій. Разсказывали намъ про него такой случай. Пришелъ онъ въ посадѣ къ одному изъ профессоровъ; самого его не было дома, а супруга ушла хлопотать по хозяйству. Въ комнатѣ остался А. В—чъ и маленькія дѣти. На полу лежалъ коверъ; А. В—чъ легъ на него, посадилъ дѣтей на себя и чуть-ли не разсказывалъ имъ сказки. Входитъ мать-хозяйка и застаеъ такую идиллическую картину. И дѣти любили А. В—ча. Въ его присутствіи они держались непринужденно; обращались съ

¹⁾ См. черновое письмо къ нему А. В—ча отъ 26 сент. и 3 окт. 1838 г. въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо къ А. В—чу В. С—ча отъ 11 мар. 1854 г., въ арх. Горскаго.

³⁾ Писма къ А. В—чу Ѳ. Альбова отъ 21 февр. и 15 мар. 1871 г. въ арх. Горскаго.

⁴⁾ Письмо къ А. В—чу В. Зарина, прот. изъ Костромы, отъ 13 окт. 1850 г., въ арх. Горскаго.

⁵⁾ Письма къ А. В—чу студ. Гр. Виноградова (безъ даты) и Іосифа іером. Высокопетровск. монаст. отъ 29 сент. 1861 г., въ арх. Горскаго.

⁶⁾ Письмо къ А. В—чу В. Крестовоздвиженскаго, учит. 1-й военн. гимназіи отъ 30 мар. 1873 г., въ арх. Горскаго.

⁷⁾ Письма А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 25 мар. 1853 г., 20 янв. и 24 апр. 1854 г. въ арх. Горскаго.

нимъ тоже свободно. Вотъ какъ писалъ ему, наприм., четырнадцатилѣтній племянникъ изъ Москвы: „милой мой папаша! Я слава Богу здоровъ и благодарю Васъ за письмо и за поздравленіе. Простите меня въ томъ, что я не писалъ Вамъ писемъ, хотя и бываю въ отпуску каждый праздникъ. Учусь я порядочно. У насъ въ Москвѣ холера ужасная, такъ что утромъ заболѣваютъ а вечеромъ умираютъ. У насъ въ корпусѣ, благодаримъ Бога, ее нѣтъ пока. Напишите мнѣ, папаша, пріѣдете ли вы на святую въ Москву, или останетесь въ Лаврѣ. Прощайте ¹⁾!“ Письмо, какъ видно,—безъ всякихъ титулованій и формальностей; написано такъ, какъ вылилось то изъ чистой дѣтской души. А это свидѣтельствуесть только о томъ, что А. В—чъ и самъ былъ всегда естествененъ и простъ.—Отношенія его къ родителямъ заслуживаютъ подражанія. А. В—чъ не только ихъ любилъ,—всѣ любятъ своихъ родителей,—но и уважалъ. Благодаря этому придатку къ его сыновней любви, который не всегда встрѣчается въ другихъ, и отношенія къ нимъ были у него не такія, какъ у другихъ. А. В—чъ выросъ и на мѣстѣ уже былъ, а за спорами да совѣтами все обращался въ Кострому. Нужно шить ему теплую шинель, спрашиваетъ у родителей, какъ лучше ее сдѣлать ²⁾; нужно отправиться въ Іерусалимъ,—напередъ совѣтуется съ ними, ѣхать ли ему ³⁾;—въ Вологду ѣздилъ, и то докладывалъ о томъ своимъ родителямъ ⁴⁾. Или—занимается у себя въ Академіи надъ своими рукописями и фоліантами—пишетъ объ этомъ въ Кострому и сообщаетъ, что имъ сдѣлано, что онъ нашель ⁵⁾, хотя объ этомъ мало могъ понимать В. С—чъ и еще меньше Ольга Косминична. Все дѣлалъ съ ихъ воли и согласія. Съ своей стороны и родители считали себя обязанными все ему указать, на все направить. А. В—чъ былъ профессоромъ въ Академіи, а В. С—чъ училъ его, какъ должно вести хозяйство, какъ

¹⁾ Письмо А. В—чу Вл. Губастова отъ 29 мар. 1853 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо къ А. В—чу В. С—ча отъ 9 мар. 1834 г., въ арх. Горскаго.

³⁾ Письмо В. С—ча отъ 8 апр. 1845 г. у О. П. Салмановой.

⁴⁾ Письмо В. С—ча къ Влад. В—чу отъ 22 апр. 1846 г., у О. П. Салмановой.

⁵⁾ Письма В. С—ча къ А. В—чу отъ 21 ноябр. 1833 г. въ арх. Горскаго и къ Влад. В—чу отъ 24 мар. 1841 г., у О. П. Салмановой.

блюсти семейные порядки ¹⁾.—Въ письмахъ своихъ къ А. В—чу онъ иногда приписывалъ ему: „утѣшай собою насъ“; то же дѣлала и мать ²⁾. А. В—чъ ставилъ это для себя священнымъ долгомъ. И какъ онъ, бывало, умѣлъ утѣшать ихъ! Не говоримъ уже о томъ, что всегда радовалъ ихъ своими успѣхами—въ занятіяхъ и по службѣ;—случится годовой праздникъ, или именины чьи изъ домашнихъ,—А. В—чъ шлетъ домой письмо. Оно попадаетъ туда въ самый нужнѣйшій моментъ и усиливаетъ общее настроеніе; отцу приходится благодарить его за это „отъ полноты своего сердца“ ³⁾. Или—сдѣлаетъ неожиданно такой сюрпризъ: возьметъ да и пріѣдетъ къ такому дню домой ⁴⁾. Разъ въ присутствіи всѣхъ домашнихъ кто-то спросилъ А. В—ча, почему онъ не женится. Указывая на сестру и ея дѣтей, онъ отвѣчалъ: „вотъ моя жена, вотъ и мои дѣти“. Родителямъ это было весьма пріятно. Когда они состарились уже, А. В—чъ присылалъ матери душевнораспорядительнаго содержанія книжки: въ долгіе зимніе вечера она сидѣла и разбирала ихъ понемногу; а отцу выхлопоталъ за долготѣльную службу пенсію. В. С—чъ, тронутый такою заботливостью о немъ сына писалъ тогда ему: „благодарю Васъ за Ваше обо мнѣ великое попеченіе. Оно предваряетъ мои желанія—слава Богу, что имѣю въ Васъ такого о мнѣ попечительнаго, заботливаго ходатая ⁵⁾. Въ томъ же году онъ померъ. А. В—чъ, извѣщая о своей скорби, писалъ К. И. Невоструеву: „Богъ даровалъ мнѣ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что я могъ быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней родителя моего, послужить ему въ чемъ могъ, и похоронить его“.

А. В—чъ оставилъ намъ послѣ себя въ наслѣдіе свои литературные труды. Если иногда по однимъ произведеніямъ составляютъ характеристики писателей, то намъ приходится воспользоваться ими лишь въ дополненіе къ тому, что уже сказано объ А. В—чѣ.

¹⁾ Письмо А. В—чу В. С—ча отъ 23 мар. 1834 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо В. С—ча и приписка на немъ О. К—ны отъ 10 янв. 1833 г., въ арх. Горскаго, отъ 15 сент. 1831 г., 2 сент. 1840 г. 5 авг. 1834 г., у О. П. Салмановой.

³⁾ Письмо В. С—ча А. В—чу отъ 9 мар. 1834 г., въ арх. Горскаго.

⁴⁾ А. В—чъ пріѣзжалъ такъ иногда на именины своей матери.

⁵⁾ Письмо В. С—ча А. В—чу отъ 18 мар. 1837 г. въ арх. Горскаго.

Всѣхъ названій сочиненій А. В—ча болѣе сорока ¹⁾, не считая въ томъ числѣ объемистой „исторіи евангельской и церкви апостольской“, „о церкви греческой съ 1453 года до начала XVIII ст.“, представляющихъ изъ себя перепечатку его академическихъ лекцій (въ Приб. 1882 г., XXIX—XXXI и 1883 г., XXXII) и „описанія славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки“. Принимая во вниманіе постоянно лежавшія на немъ ученые порученія начальства, а также занятія его по должности—профессор-

1) Выписываемъ ихъ въ порядкѣ появленія сочиненій изъ подъ пера.—Извѣстіе объ Аврааміи Палицынѣ (Москвитянинъ 1841, V). Возраженіе противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры (Москвит. 1842, VI). Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевой Лавры (Отдѣльное изданіе). Кириллъ II, М. Кіевскій и всея Россіи. О дѣвственникахъ христіанскихъ до монашества (приваженія къ твореніямъ Св. Отцевъ 1843, I). О Св. Кириллѣ и Меодіи (Москв. 1843, III). Св. Петръ М. Кіевскій и его исповѣданіе вѣры. Памятники духовной литературы времени Вел. Кл. Ярослава (Приб. 1844 г. II). О походахъ русскихъ на Сурожъ (Записки Одесск. Общ. истор. 1844, I). Жизнь Св. Василія Великаго. О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVIII стол. (Приб. 1845, III). Св. Іона м. Кіевскій. Петръ Могила (Приб. 1846, IV). Краткая исторія собора Константинопольскаго III, вселенскаго VI (Христіанск. чт. 1847, янв.—апр.) Внѣшнее состояніе церкви Восточной въ IX и XIII ст. (Христіанское чт 1848, I). Св. Алексій м. Кіевскій и всея Россіи. Св. Кириллъ м. Кіевскій. О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол. (Приб. 1848, VI). О митрополіи русской въ концѣ IX в. (Приб. 1850, IX). Жизнь св. Аванасія Александрійскаго. Посланіе къ Василію архим. Печерскому XII ст. Отношеніе иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей въ XVI в. (Приб. 1851, X). Фотій м. Кіевскій. Подвижники вѣры на востокѣ послѣ паденія имперіи Греческой. (Приб. 1852, XI). О томъ, совершалъ ли Господь І. Христосъ пасху іудейскую на послѣдней вечери своей съ учениками (Приб. 1853, XII). Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской. (Приб. 1854, XIII). Жизнь бл. Θεодорита еп. Кирскаго (Приб. 1855, XIV). О древнихъ канонахъ Св. Кириллу и Меодію. О священнодѣйстви вѣнчанія и помазанія царей на царство (Приб. 1856, XV; 1882, XXI). Митрополиты Московскіе Θεодосій и Филиппъ (Приб. 1857, XVI). О древнихъ словахъ на Св. Четырдесятницу (Приб. 1858, XVII). Максимъ Грекъ (Приб. 1859, XVIII). О славянскомъ переводѣ пятюнжія Мочесова, испр. въ XV вѣкѣ по еврейскому тексту (Приб. 1860, XIX). Письмо Мары Самосатскаго къ сыну его Серапіону (Приб. 1861, XX). Пѣсколько свидѣній о Пансіи Лигаридѣ. О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной (Приб. 1862, XXI). Св. Елифалій Кипрскій (Приб. 1863 г. XXII) Пріязанія анологета австрійскаго священства (Приб. 1870, XXXIII). О соборѣ іерусалимскомъ 1672 г., Образованіе канона Св. кн. Н. Завѣта (Приб. 1871, XXIV).

ской, секретарской, библиотечарской и наконецъ ректорской, надо сказать, что число это очень велико для него. Но вотъ что особенно бросается въ сочиненіяхъ въ глаза: они очень разнообразны по содержанію. Просматривая ихъ заглавія, мы найдемъ въ нихъ касающіяся: и общей церковной исторіи, и русской, и русской гражданской исторіи и введенія въ книги Св. Писанія и каноническаго права; найдемъ нѣсколько сочиненій библиографическихъ. А сопоставляя сочиненія каждой этой области науки отдѣльно, мы увидимъ, что они ничѣмъ между собою не связаны и ни одно нельзя назвать продолженіемъ другаго; о мотивахъ, по которымъ то или другое изслѣдованіе писано именно по этому, а не по другому вопросу, — можно лишь догадываться.

Внѣшняя обстановка сочиненій очень скромна и незатѣйлива. Нѣтъ въ нихъ и слѣда того блеска и той роскоши, которой нерѣдко разукрашены книги и статьи современныхъ писателей. Возьмемъ для примѣра цитаты въ сочиненіяхъ А. В—ча. Не разъ, не два пришлось бы намъ помножить ихъ количество само на себя, чтобы получить произведеніе хотя немного близкое къ тѣмъ цифрамъ, которыми обозначаются итоги цитаций въ теперешнихъ ученыхъ и историческихъ изслѣдованіяхъ. А еще замѣчательнѣй въ его сочиненіяхъ однообразіе и ограниченное число тѣхъ источниковъ, на которые онъ ссылается въ своихъ немногочисленныхъ цитатахъ: всего десятокъ книгъ, и того меньше—авторовъ. Если вспомнить при этомъ современные ученые труды по богословскимъ предметамъ, то контрастъ получится самый рѣзкій. Здѣсь мы встрѣтимъ что ни цитату, то новаго автора, новое сочиненіе. — Но ученая роскошь отсутствуетъ не въ однѣхъ только подстрочныхъ сноскахъ сочиненій А. В—ча; ея нѣтъ и въ срединѣ самаго текста. Мы не найдемъ здѣсь отборныхъ выписокъ изъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій корифеевъ науки, не встрѣтимъ подробнаго разбора различныхъ теорій и гипотезъ, не прочтемъ цѣлой исторіи разработки даннаго вопроса. Авторъ, очевидно, не считалъ нужнымъ показывать читателю весь матеріалъ своей ученой лабораторіи, знакомить его со всѣми обстоятельствами своихъ богословско-историческихъ экскурсій. Краткимъ простымъ замѣчаніемъ онъ сообщаетъ только итоги своихъ

ученыхъ операций. Равнодушіе къ ученой нарядности и блеску доходить иногда даже до какой-то застѣнчивости. Часто невольно чувствуете, что просто и скромно высказанный взглядъ автора стоилъ ему многихъ кропотливыхъ изысканій, долгихъ, серьезныхъ размышленій; но авторъ, какъ будто стѣсняется признаться, какъ дорого обошлась ему извѣстная мысль, и говорить о своей драгоценной находкѣ, какъ о предметѣ, который находится у всякаго подъ руками. Остаются только неясные слѣды, темные намеки на тотъ продолжительный процессъ, результатомъ котораго явилось извѣстное воззрѣніе автора.

Изложеніе во всѣхъ сочиненіяхъ А. В.—ча весьма сжатое. Каждое событіе онъ описываетъ въ очень немногихъ словахъ, и вычеркнуть изъ его описанія — не только нѣсколько фразъ, но даже нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, безъ ущерба для содержанія, — дѣло невозможное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разсказѣ событія слѣдуютъ одно за другимъ, эта сжатость изложенія переходитъ даже въ сухость. Рѣчь въ сочиненіяхъ, большею частію, періодическая, когда А. В.—чь что-нибудь описываетъ; но когда ему приходится передавать факты, онъ почти всегда пишетъ отрывистой рѣчью. Языкъ вездѣ точный: нигдѣ не встрѣтите у него выраженій, которыя бы видимо не соответствовали понятіямъ или которыя можно бы понимать такъ и иначе. — Сразу замѣтенъ въ авторѣ положительный характеръ и сильный критическій умъ.

Вникая во внутреннюю, идейную сторону содержанія сочиненій А. В.—ча, —обращая вниманіе на тотъ принципъ, которымъ онъ руководился, на ту цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ своихъ богословско-историческихъ изслѣдованіяхъ, мы увидимъ, что цѣль эта — нравственная назидательность. Она очень ясно, очень прозрачно выступаетъ въ сочиненіяхъ по церковной исторіи. Авторъ преслѣдуетъ ее съ особеннымъ напряженнымъ стараніемъ. Онъ не пропускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы не выставить на видъ нравственную поучительность указываемаго имъ факта. Историческій разсказъ его часто прерывается лирическими изліяніями благочестиво-назидательнаго характера. Всегда такія отступленія запечатлѣны особенною воодушевленностью, восторженностью. Преподать нравственный урокъ, основан-

ный на историческомъ фактѣ, вызвать въ читателѣ благочестивый восторгъ историческимъ рассказомъ — было, очевидно, самою завѣтною цѣлю А. В—ча.

Это—ближайшая цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ; а дальнѣйшая и конечная—чистое служеніе наукъ и просвѣщенію на пользу ближнихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснял свои ученые труды самъ А. В—чъ. „Какихъ силъ,—писалъ онъ однажды своему другу Евсевію, —какихъ трудовъ будетъ жалко, когда знаешь, что найдется не одинъ, а нѣсколько людей—съ душою, которые поймутъ эти труды, воспользуются этимъ приобрѣтеніемъ, передадутъ его другимъ, пойдутъ сами за этими открытіями къ новымъ, и сообщать ихъ намъ, когда мы уже, можетъ быть, не въ состояніи будемъ продолжать далѣе поиски и изслѣдованія? Утѣшаясь этою мыслию, усталая голова снова приободряется, утомленная рука еще разъ омокаетъ перо и и труженикъ просвѣщенія празднуетъ всенощное бдѣніе въ честь истины“¹⁾.

Великій урокъ всѣмъ труженикамъ на полѣ церковной науки въ вѣкъ прогресса, отрицанія, разрушенія, религіознаго индифферентизма, легкомысленнаго, а иногда и умышленнаго злоупотребленія драгоценной наукой²⁾.

Мы не станемъ дѣлать въ заключеніе объ А. В—чѣ особой характеристики его; личность достаточно уже выяснилась изъ тѣхъ его писемъ, записокъ и рѣчей и изъ тѣхъ рассказовъ о немъ, которые мы, говоря объ отношеніяхъ его къ окружающей его средѣ, имѣли возможность привести. Намъ остается лишь указать, какъ сложился такой характеръ, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями онъ выросъ. Это и будетъ нашимъ заключительнымъ словомъ объ А. Васильевичѣ.

Говорятъ — „человѣкъ продуктъ обстоятельствъ“, „человѣчка вырабатываетъ жизнь“. Можетъ быть, это изъ сотни только въ пятидесяти случаяхъ вѣрно; можетъ быть, и въ каждомъ случаѣ только на половину вѣрно: нельзя катего-

¹⁾ Письмо А. В—ча къ Евсевію Орлинскому (безъ даты); въ арх. Горскаго.

²⁾ Подробнѣе характеристическія черты сочиненій А. В—ча указаны въ статьѣ А. И. Лебедева: „нѣсколько свѣдѣній о покойномъ Горскомъ, какъ профессорѣ Церк. Исторіи“. Чт. въ Общ. Л. Д. Пр. 1879 г. I.

рически о всѣхъ утверждать этого. Но въ данномъ случаѣ, сколько мы ни размышляли объ А. В—чѣ, это оказывается вѣрно: А. В—чѣ пріанесъ съ собою въ свѣтъ одну только основную черту въ своемъ характерѣ; а осложнилась, выросла и развѣтвилась она потомъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ и условій его жизни.—Когда приходилось читать письма Василя Сергѣевича, была замѣтна въ авторѣ какая-то поэтическая жилка: онъ пишетъ складно, слово его какъ рѣка льется, плавно, безъ запинки, пишетъ картинно, съ воодушевленіемъ. Это сказывалась въ немъ его живость характера. Её то и передалъ онъ по наслѣдству своему сыну; она-то и легла у А. В—ча въ основу всего его характера. Онъ самъ впоследствии такъ разгадывалъ себя: „во мнѣ живетъ два я; но они—тотъ же одинъ я самъ, только въ двухъ различныхъ болѣе или менѣе остепенившихся и укрѣпившихся положеніяхъ—тотъ же я съ двухъ сторонъ, которыхъ первоначальное образованіе и постепенное возрастаніе и укрѣпленіе я мало постигаю. Есть я всеугодливое, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастью моему—это я, мнѣ кажется, родилось во мнѣ въ лѣта моего дѣтства, можетъ быть, отъ воспитанія. Другое я самостоятельное, которое родилось со мною; это природная живость, упругость и саморазгибаемость моихъ силъ“¹⁾. — Суетливо, вся въ хлопотахъ проходила его жизнь. А. В—чѣ какъ-то разъ даже жаловался на нее и писалъ одному: „извѣстна вамъ моя хлопотливая жизнь. День за днемъ, дѣло за дѣломъ: и не видишь, какъ время проходитъ. Весь разбредаюсь на мелочи и эти мелочи одолѣваютъ меня“²⁾. Это теперь понятно отъ чего: выдался такой характеръ. Въ частности, пѣжность и доброта, которымъ всѣ удивлялись въ немъ, это отчасти увлеченіе А. В—ча: воображеніе его было такъ живо, что сразу и всего захватывало его картинно изображеннымъ счастьемъ или несчастьемъ людскимъ; А. В—чу оставалось послѣ того только отдаться ему. Любовь къ дѣ-

1) Дневникъ приб. XXXIV, 86.

2) Капитону Ивановичу Невоструеву отъ 1 ноября 1863 г.; въ арх. Горскаго.

тѣмъ, которой многіе не понимали въ немъ, это значитъ опять то, что живой характеръ А. В—ча чувствовалъ и какъ бы искалъ въ нихъ нѣчто среднее себѣ.

Мальчикъ отъ природы бойкій и живой воспитывается вдругъ „подъ грозящимъ жезломъ скромности“¹⁾ въ домѣ родительскомъ. А что это былъ въ домѣ за жезлъ, можно судить по такому случаю, гдѣ было готово приложеніе его. Влад. В—чь, въ дѣтскіе годы еще, игралъ разъ во что-то на лужайкѣ предъ домомъ, да нечаянно и свалился подъ гору къ рѣкѣ и испортилъ свой костюмъ. Бѣда была такъ велика, что надо было полдня просидѣть гдѣ-то за угломъ— „чтобы не узнали папаша съ мамашей“.—Такимъ то жезломъ учили А. В—ча скромности—„благодарію да вѣжливости“, сказать бы языкомъ попечительныхъ родителей. Само собою разумѣется, при такой наукѣ живость и бойкость А. В—ча по неволѣ должны были осѣсть, войти въ рамки; а параллельно имъ явиться „я всеугодливое“, „которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ существуетъ ко вѣшнему счастью“; и изъ А. В—ча долженъ былъ выйти больше молчаливый, самоуглубленный, и вѣшне-степенный и пристойный мальчикъ,—„монастырка“, какъ выразился онъ²⁾.—У него природный характеръ уравнивался воспитаніемъ, поэтому въ результатѣ и получился характеръ ровный, спокойный, невозмутимый. У насъ такіе характеры принято называть „безхарактерными“, а въ сущности это очень хорошіе характеры. И А. В—чь склоненъ былъ видѣть въ себѣ безхарактерность, когда ею объяснилъ отсутствіе у себя привычки исправно каждый день заносить по нѣсколькимъ строкъ въ свой дневникъ³⁾; но онъ въ этомъ случаѣ ошибался на счетъ себя.

Шестнадцать лѣтъ А. В—чь перешелъ въ Академію: въ самое время развитія юношеской мечтательности попалъ въ уединеніе и глушь. Здѣсь подъ вліяніемъ живыхъ примѣровъ у него выработалось „направленіе“ жизни—въ аскетическую больше сторону. И теперь уже онъ два раза

¹⁾ Дневникъ. Приб. XXXIV, 86.

²⁾ Дневникъ. Приб. XXXIV, 88.

³⁾ Дневникъ. Приб. XXXIV, 109.

порывался въ монашество, но останавливала только отеческая рука. Здѣсь, въ Академіи, гдѣ онъ далеко стоялъ отъ людей, развилась въ немъ застѣнчивость, которая въ соединеніи съ вынесенною изъ дома всегодливостью въ итогѣ дала скромность, которою онъ всегда отличался потомъ. Здѣсь же зародилась въ немъ страсть къ чтенію, — единственная страсть, которая была въ его натурѣ и поглощала все свободное время: мертвые друзья, книги, замѣняли для него товарищей; а такъ какъ въ Академіи тогда лучшимъ считалось „то сочиненіе, которое исперщено было цитатами изъ отцовъ церкви“ ¹⁾, то страсть его направлялась больше къ святоотеческимъ твореніямъ, т. е. въ ту самую область, изъ которой впослѣдствіи онъ заимствовалъ матеріалъ для своихъ богословскихъ и историческихъ трудовъ. Книжная страсть А. В—ча была вмѣстѣ съ тѣмъ и почвой для образованія въ немъ сильнаго критическаго ума, который послѣ не только сказывался во всѣхъ его ученыхъ работахъ, но замѣтно участвовалъ и въ выработкѣ всего житейскаго такта.

Молодымъ человѣкомъ съ такими задатками и характеромъ поступилъ А. В—чъ на службу, — черезъ годъ опять въ ту же Академію. Здѣсь онъ подпалъ сильнѣйшему вліянію сначала Θεодора Александровича и ректора Филарета, потомъ — Евсевія. Θ. А. передалъ ему частицу своего мистико-созерцательнаго настроенія духа: по его примѣру А. В—чъ сталъ вѣрвать въ знаменательность сновидѣній и пророчественное значеніе па удачу попавшихся изъ Н. Завѣта словъ ²⁾. Филаретъ усилилъ прежде всего его аскетическое направленіе жизни. По его совѣту А. В—чъ принялъ бы въ 1840 году и монашество, но этому помѣшали его родители ³⁾. Не добившись этого, Филаретъ раньше добился въ А. В—чѣ другого: онъ пересталъ вкушать мясное ⁴⁾; сталъ чаще прибѣгать къ молитвѣ. Бывали такіе

¹⁾ С. К. Смирновъ, — Исторія Академіи, стр. 179.

²⁾ См. Дневникъ Приб. XXXIV. 91, 95, 106 и мн. др.; также — 98, 340; XXXVI, 253, 263 и др.

³⁾ См. Дневникъ Приб. XXXIV, 303; и письмо В. С—ча къ А. В—чу отъ 2 сент. 1840 г., у О. П. Салмановой. См. письмо В. С—ча къ Вл. В—чу отъ 24 мар. 1841 г., у ней же.

⁴⁾ Приниска матери на письмѣ къ А. В—чу В. С—ча отъ 27 сент.

случаи, когда утомившись вечерней молитвой, А. В—чь ложился отдыхать и потомъ съ новой силой опять принимался за нее ¹⁾). Чаше сталъ вспоминать о душѣ, о вѣчности, глубже вѣровать въ промыслъ Божій, весь отдался волѣ высшей власти ²⁾). Филаретъ вліялъ и на самыя занятія А. В—ча. Онъ говаривалъ ему: „если духовные отстояютъ въ познаніяхъ отъ свѣтскихъ, это будетъ чрезвычайно вредно для срятой вѣры“ ³⁾, и вмѣстѣ съ нимъ просиживалъ за книгами дни и ночи. Онъ будилъ литературную его дѣятельность. „Пишите, пишите, что знаете“, — побуждалъ не разъ онъ его ⁴⁾; „пишите, — внушалъ, — имѣя въ виду пользу вѣчную, пользу своей души, пользу тѣхъ, которые будутъ читать. Что дѣлать, если иногда и встрѣчаютъ насъ очень не ласково? Быть можетъ, внослѣдствіи признаютъ что-нибудь и доброе въ трудѣ немощи, въ трудѣ грѣшника, но трудѣ искреннемъ“ ⁵⁾). Относительно писательства онъ давалъ ему и болѣе частныя наставленія — писать сжато, давать мѣсто своему чувству, но не выставить себя всезнающимъ ⁶⁾, А. В—чь все это слушалъ и слагалъ въ своемъ сердцѣ. —Такіе же только рѣже совѣты преподавалъ ему и Евсевій ⁷⁾. Вся разница вліаній того и другого на А. В—ча состояла въ томъ, что Филаретъ дѣйствовалъ на душу А. В—ча и поучалъ его, какъ „беречь ее при добрыхъ расположеніяхъ истиннаго христіанина“ ⁸⁾; а Евсевій училъ А. В—ча просто, какъ жить съ людьми на свѣтѣ, и если иногда касался въ разговорѣ съ нимъ душеспасительнаго, развивалъ въ немъ больше созерцательность ⁹⁾).

1837 г., у О. П.—, „Что намъ пользы видѣть, что ты вынешь какъ цвѣтокъ? Сжался надъ отцомъ и матерью. Зачѣмъ ты перемѣнилъ пищу? Развѣ ты монахъ?“.

1) Письма Филарета. Приб. XXXIII, 602. См. Дневникъ. Приб. XXXIV, 107.

2) Письма Филарета. Приб. XXXVI. 92., 103; XXXI, 234, 264, XXXIII, 560. Чит. Дневникъ А. В—ча.

3) Письма Филарета. Приб. XXXVI, 143.

4) Письма Филарета Приб. XXXVI, 98.

5) Письма Филарета Приб. XXXI, 215.

6) Письма Филарета Приб. XXXIII, 567, 595, 596, 629, —601.

7) Письма Евсевія Приб. XXXVII, 748, 749; 702, 763.

8) Письма Филарета. Приб XXXIII, 551.

9) См. въ арх. Горскаго два письма его къ Евсевію (безъ даты).

Въ то время, когда А. В—чь служилъ въ Академіи, во главѣ ея стоялъ знаменитѣйшій изъ московскихъ іерарховъ Филаретъ. De facto онъ былъ почти полновластнымъ и единственнымъ начальникомъ Академіи: высшее начальство смотрѣло на нее глазами Филарета, а низшее (конференція, правленіе и ректоръ) могло только исполнять его распоряженія. Вліаніе его въ Академіи было такъ обширно и сильно, что было какъ бы непосредственнымъ. Поступивъ въ Академію А. В—чь сразу подвергся незримому дѣйствію той духовной атмосферы, какую раньше создалъ въ ней строгій и внимательный во всемъ къ себѣ и другимъ Филаретъ. Отсюда появилась въ немъ та точность въ словѣ и дѣлѣ, которую многіе, когда А. В—чь былъ ректоромъ, считали за самую скрупулезную формальность въ немъ; отсюда же его обдуманность и размѣренность каждаго поступка, каждаго шага въ частной жизни; а въ учебныхъ работахъ и трудахъ—глубокое убѣжденіе въ истинѣ Христа, пламенная ревность о православіи и благодатное и сильное слово учительское. Поэтому-то, когда А. В—чь скончался, панегиристы надъ гробомъ его и говорили: „духъ великаго іерарха осѣнялъ мысли и дѣйствія въ Бозѣ почившаго отца нашего и былъ для него всегдашнимъ, достойнымъ подражанія, образцомъ и руководителемъ“¹⁾.

А. В—чь въ своемъ дневникѣ когда-то писалъ: „каждыми сутками кладется въ личности нашего характера, умственного или нравственного, какая-нибудь новая черта“²⁾; а мы теперь добавимъ:—и каждой встрѣчей, каждымъ обстоятельствомъ жизни, какъ было съ нимъ. Блаженъ А. В—чь что могъ вмѣстить въ себѣ всѣ эти черты.

С. Поповъ.

¹⁾ Прав.-Обозр. 1875, III. Прил. 49.

²⁾ Приб. XXXIV, 113.